

Содержание

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ	3
ИЗ «КНИГИ ЭСКИЗОВ»	17
Автор о себе	19
Морское путешествие	24
Английские писатели об Америке.....	34
Сельская жизнь в Англии	49
Искусство сочинения книг	61
Сельская церковь	72
Трактир «Кабанья голова», Истчип	80
Недолговечность литературы	99
Вестминстерское аббатство.....	116
Джон Буль	133
Заключение.....	151
ИЗ КНИГИ «БРЕЙСБРИДЖ-ХОЛЛ»	155
Полный джентльмен.....	157
Аннета Деларбр	176

ИЗ КНИГИ

«РАССКАЗЫ ПУТЕШЕСТВЕННИКА»	209
Великий неизвестный	211
Обед после охоты	214
Происшествие с моим дядюшкой	223
Происшествие с моей тетушкой	245
Лихой драгун, или Происшествие с моим дедушкой.....	254
Таинственный портрет.....	271
Таинственный незнакомец.....	287
История молодого итальянца.....	301

Маленький человек в черном

*Из «Сальмагунди» или «Причуд
и мнений Ланселота Лэнгстаффа,
эсквайра, и других» (1807—1808 гг.),
авторы: Вашингтон Ирвинг,
Уильям Ирвинг и Керк Поулдинг¹.*

¹ Перевод С. Рюмина.

XVIII, вторник, 24 ноября 1807 года
Ланселот Лэнгстафф, эск.

Эту историю передают в нашей семье из поколения в поколение уже больше века. Мой кузен Кристофер любит смаковать ее во всех подробностях, и так как она до известной степени связана с персонажем, часто упоминаемым в нашем труде, то, на мой взгляд, заслуживает быть представленной читателям.

Вскоре после того, как мой дед мистер Лемюэль Коклофт обосновался в поместье и ровно в тот момент, когда соседские сплетники, совавшие нос в его дела, изнывали по новой пище для пересудов за чайным столом, нашу маленькую работающую сельскую общину ввергло в состояние великого смятения, любопытства и домыслов — как это часто бывает в крохотных, погрязших в сплетнях деревеньках, — внезапное необъяснимое появление загадочной личности.

Предметом беспокойства стал невысокий мужчина иноземной внешности с суровым взглядом, занявший старый дом, пользовавшийся дурной славой, почти развалившийся и нагонявший ужас на всех, кто верил в привидения. Незнако-

мец обычно носил остроконечную шляпу с узкими полями и черный плащ, такой куцый, что тот едва доставал ему до колен. Он не искал ничьей близости или знакомства, не находил, похоже, удовольствия ни в увеселениях, ни в мелких раздорах маленькой деревни, даже не разговаривал ни с кем, за исключением тех случаев, когда говорил сам с собой на чужом языке. Нередко с видом человека, погруженного в глубокие раздумья, он держал под мышкой завернутый в овчину большой том и попадался селянам то наблюдающим утреннюю зарю, то в полдень сидящим под деревом уткнувши нос в свою книгу, то вечером провожающим сосредоточенным умиротворенным взглядом уходящее за горизонт солнце.

Добрые люди из округи находили в этом нечто чрезвычайно странное. Чужака как будто окутывал густой туман тайны, в которую, несмотря на всю остроту ума, ни один из них не мог проникнуть. От избытка мирского снисхождения они объявили, что «он определенно не лучше того, каким хочет казаться» — безобидное суждение само по себе, но в широком смысле способное вместить в себя любое порицание. Молодые считали его унылым мизантропом, потому что он никогда не принимал участия в их играх. Старики отзывались о нем и того хуже, ведь он ничем не занимался и, казалось, не стремился заработать хотя бы фартинг. А что касается старых

сплетниц, то в раздражении от упрямой молчаливости незнакомца они единодушно признали: человек, не способный или не желающий разговаривать, ничем не отличается от безмозглой скотины. Маленький человек в черном не обращал внимания на молву и, похоже, не собирался ни с кем делиться своей тайной. В итоге через некоторое время вся деревня встала на дыбы, ибо в небольших общинах их члены всегда пользуются привилегией все знать о делах друг друга, если не совать в них нос.

В воскресенье после проповеди у входа в церковь состоялось секретное совещание, посвященное тщательному расследованию поведения незнакомца. Школьный учитель высказал мнение, что это Вечный жид. Пономарь был уверен, что раз он все время молчит, значит, масон. Третий с большим упорством утверждал, что странник — знатный доктор из Германии, а томик, который он носит под мышкой, содержит секреты чернокнижия. Возобладало, однако, мнение, что он ведьмак. Подобные существа в то время и тех краях водились в избытке. Одна старая баба из Коннектикута дальновидно предложила проверить этот факт, окунув чужака в чан с кипятком.

Подозрения, однажды всплыв, менялись, как морские течения и ветер, пока не превратились в уверенность. Во время ночной бури при спо-

лохах молнии маленького человека в черном не раз видели скачущим и летающим по воздуху на метле. Все замечали, что в таких случаях буря приносила больше ущерба, чем обычно. Старуха, предлагавшая устроить испытание кипятком, в одну из подобных ночей потеряла ладную пегую корову, и случай этот был полностью приписан мстительной натуре маленького человека в черном. Когда непослушному батраку случалось без спроса сгонять на любимой хозяйской лошади к дальней зазнобе, и кобыла поутру едва волочила ноги, винили неизбежно маленького человека в черном. Стоило сильному ветру завывать ночью в трубе, как старухи пожимали плечами и говорили: «Опять маленький человек в черном разбушевался». В общем, он превратился в жупел для каждого дома, им пугали, призывали к послушанию и доводили до истерики маленьких детей. Ни одна хозяйка в деревне не могла спать спокойно без прибитой к двери, охраняющей от нечистой силы подковы.

Сам предмет зловещих подозрений некоторое время совершенно не замечал вызванную им усобицу, но вскоре был вынужден испытать на себе ее воздействие. Человек, впавший в немилость всей деревни, попадает в положение поставленного вне закона изгоя, в особенности если у него нет возможности или желания чем-то ответить. Мелкие ядовитые страсти, которые во внешнем

мире бывают рассеяны и разбавлены большими расстояниями и тем ослаблены, в узких пределах глухой провинции действуют с концентрированной силой — тем ожесточеннее, чем меньше сфера их обращения. Маленький человек в черном познал на себе истинность этого правила. Любый мальчишка, возвращаясь из школы, мог совершенно безнаказанно побить окна в его доме, и это считалось высшей доблестью, потому что даже самый отчаянный сорвиголова держался подальше от его двери, а по ночам обходил дом кружной дорогой, хотя на ее перекрестке индейцы однажды убили путника, — лишь бы не проходить мимо порога жалкой лачуги.

Единственным живым существом, выказывавшим любовь и участие ко всеми брошенному человеку, был старый таксик, живший с ним в пустом доме и сопровождавший его в одиноких прогулках. Пес делил с ним пищу и — с сожалением должен сказать — преследования. Таксик под стать хозяину вел себя мирно и безобидно. Никто не видел, чтобы он залаял на лошадь, зарычал на прохожего или подрался с соседскими собаками. Когда хозяин выходил из дома, пес следовал за ним по пятам, а когда возвращался домой, вытягивался в лучах солнца перед порогом. В общем, вел себя во всех отношениях, как и полагалось воспитанной, добропорядочной таксе. Однако, несмотря на добрый нрав, даже

пес снискал в деревне дурную репутацию, ведь он был сообщником маленького человека в черном и дьявола, с которым тот состоял в сговоре. Старая лачуга считалась местом проведения нечестивых ритуалов, а ее безобидные обитатели вызывали ничем не заслуженную ненависть. Сколько бы ни бросались камнями и ни улюлюкали местные сорванцы, как часто бы ни обижали чужака их родители, маленький человек в черном никогда не порицал их, а его верный пес, когда на него нападали без причины, с тоской смотрел в лицо хозяину, беря с него пример долготерпения и всепрощения.

В поместье Коклофта жизнь загадочного соседа давно служила предметом домыслов. В догадках терялся и стар, и млад. Людей в особенности удивляла терпеливость, с какой тот сносил все преследования, ибо в семействе Коклофтов такая добродетель, как терпение, встречалась редко. Моя бабка, довольно суеверная, не видела в этом смирении ничего, кроме мрачной угрюмости колдуна, который сдерживался днем, чтобы отомстить в полночь. Деревенский священник, человек начитанный, принимал упрямое бесчувствие за философский стоицизм. Мой дед, добрая душа, редко искал объяснений у заграничных умов и, полагаясь на подсказку своего чистого сердца, видел в поведении незнакомца безропотное всепрощение христианина. Несмо-

тря на различия во мнениях о природе чужака, все сходились в одном — его лучше не трогать. Мой дед, который в то время нянчился с моей матерью, никогда не выходил из комнаты, не положив на всякий случай в колыбель большую семейную Библию — надежный, как он считал, талисман от колдовства и чародейства.

Однажды беспокойной зимней ночью, когда суровый северо-восточный ветер стонал между коттеджами и завывал в деревенской колокольне, мой дед возвращался из клуба. Впереди шел, освещая дорогу фонарем, слуга. Когда они проходили мимо заброшенного жилища маленького человека в черном, деда остановил жалобный собачий вой, прорывавшийся сквозь шум бури. Вой был исполнен горести. Деду показалось, что в перерывах он слышал низкие, прерывистые стоны страдающего от боли человека. Дед несколько минут колебался между добротой сердца и природным чувством такта, которым, несмотря на причуды, был наделен в полной мере и которое не позволяло ему совать нос в дела соседей. Возможно, его нерешительность отчасти объяснялась и легким налетом суеверия. Если незнакомец в самом деле злоупотреблял колдовством, то вряд ли мог выбрать для своих козней более подходящую ночь. В итоге человеколюбие одержало верх. Дед подошел к лачуге и толчком распахнул дверь — бедности неведомы ключи и запоры.